

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ КОНФУЦИАНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ЯПОНИИ

Ставропольский Ю. В. (Саратов)

Аннотация: современное государство берет свое начало в Западной Европе как результат реакции на ту или иную разновидность абсолютизма. Действующие силы гражданского общества противостоят тенденциям к абсолютизму в государстве и обозначают пределы этих тенденций. В процессе такого противостояния устанавливаются границы между гражданским обществом и государством, что, тем не менее, не мешает выстраивать сильное и эффективное государство. В Японии нормативная идеология, которая поддерживала государственную власть, была разновидностью неоконфуцианства, в котором весьма расплывчато разграничены государство и общество, а человек призывается возложить тяготы решения собственных вопросов на государство. В отношении институтов гражданского общества Конфуций хранит полнейшее молчание. В классических формулировках конфуцианства не существует никакого зазора между пределами семейного круга и лицом государства. Когда формировалось государство Мэйдзи, мало что было известно о какой бы то ни было границе между государством и обществом. Иерархия нового государства рекрутировалась из числа выходцев из феодальных вотчин. Большинство среди них были воспитаны в духе конфуцианских традиций.

Ключевые слова: государство, общество, Япония, идеология, рынок, структура, развитие, современный.

Японская политическая жизнь несколько не труднее (и не легче) для понимания, чем политическая жизнь в Италии или в Австралии. Однако существуют определенные аспекты отношений между государством и обществом, которые способны уязвимости государства перед проникновением в него организаций. Речь идет о нечеткости границ между государственным и частным, общественным и личным, формальным и неформальным, официальным и неофициальным, государством и рынком, законом и традицией, между буквой и духом. Подобную модель отношений между государством и обществом можно встретить практически во всех странах Восточной Азии. Она характерна и для японского государства, которое стоит особняком среди тех стран, которые в широком смысле именуются понятием Запад.

В общепринятом смысле принято считать, что между современными государствами никаких фундаментальных противоречий не существует. Все современные государства выполняют одни и те же функции. Все они характеризуются одними и теми же свойствами. С этой точки зрения, современное государство берет свое начало в Западной Европе как результат реакции на ту или иную разновидность абсолютизма. Действующие силы гражданского общества противостоят тенденциям к абсолютизму в государстве и обозначают пределы этих тенденций. В процессе такого противостояния устанавливаются границы между гражданским обществом и государством, что, тем не менее, не мешает выстраивать сильное и эффективное государство.

Более того, при любых взаимодействиях структур современного государства с менее передовыми системами правления, как правило, верх триумфально берет современное государство. Например, британское государство сумело поставить под свой контроль Индию, а преемники британского государства в Северной Америке триумфально одолели племена американских индейцев. Опираясь на мощь капитализма, современные государства Западной Европы вступили в XIX веке в конкурентную борьбу между собой, а за пределами Западной Европы почти повсюду в мире вытеснили любые другие правящие структуры. В итоге повсеместно распространился европейский империализм.

Единственная альтернатива тому, чтобы не поддаться империализму, сводилась к трансформации собственного государства в аналогичную мощную структуру. К такому выводу пришли правители Японии в 1860–70-х гг. [1]. Формирование собственного могущественного государства, которое можно будет противопоставить империалистам, стало движущей идеей японских реформ. Подобный вывод сделали не только в Японии. Примерно в то же самое время, но в иных исторических обстоятельствах, националисты в Италии и в Германии занялись примерно тем же самым. Более того, несмотря на относительное запаздывание, японцы, так же как и немцы, и итальянцы, стали вести себя по-имперски.

Имперская манера поведения становится итогом взаимодействия мощного современного государства со слабой и отсталой системой правления. В японском случае речь идет о триумфальной победе над айнами на севере и над Окинавой на юге, а впоследствии над населением острова Тайвань, и в XX веке над населением Кореи и Китая. В этом смысле история развития японского государства ничем не отличается от большинства европейских государств. Данная

особенность не нуждается ни в каких дополнительных объяснениях. Никаких глубинных структурных различий не существует.

Однако, в данном аспекте, те, кто желают акцентировать политическую культуру, неизбежно приходят к акцентированию некоторых основополагающих различий. К примеру, европейская политическая традиция, как либеральная, так и консервативная, и социалистическая, в значительной степени испытывает на себе влияние христианской этики, которая предписывает отдать кесарю кесарево, по крайней мере, в объеме Вестфальского мирного договора [2]. На этом фундаменте зиждется своеобразное разделение труда между государством и гражданским обществом [3]. Совершенно аналогичным образом внешние структурные особенности повлияли на формирование современных государств в Японии и в Италии, невзирая на полное различие между их идеологическими компонентами: римско-католической идеологией в Италии и неоконфуцианской идеологией в Японии.

Более того, стремясь к легитимизации, элита манипулировала не одной только идеологией. Существуют определенные комплексы идей, к которым с абсолютной серьезностью относятся и государство, и граждане. Эти комплексы идей управляют чаяниями и государственных руководителей, и среднего гражданина. Каковы они, и каким образом они проявляются через политические структуры и через политические волеизъявления? При серьезном взгляде на политическую культуру, необходимо рассмотреть истоки современного государства. Государственная власть в Японии в эпоху Токугава простиралась дальше, чем когда-либо в японской истории. При сёгунате Токугава японское государство монополизировало применение принудительной силы. Законодательно разрешаемые и общественно одобряемые средства урегулирования разногласий между жителями, селами и храмами были безжалостно отброшены. Режим Токугавы можно охарактеризовать как военное положение в мирное время.

В Японии в эпоху Токугавы [4] до некоторой степени сохранялась передача полномочий, ибо местные правители и подчиненные им деревни располагали значительной автономией. Более того, дееспособность государственного правления из Эдо со временем приходила в упадок. Тем не менее, нормативная идеология, которая поддерживала государственную власть, была разновидностью неоконфуцианства, в котором весьма расплывчато разграничены государство и общество, а человек призывается возложить тяготы решения собственных вопросов на государство.

В случае нанесения обид уповали на государство. Даже женщины, неудовлетворенные тем, какое решение о заглаживании вреда принималось на месте, грозились дойти до Эдо в поисках правды. Существовало всеобщее упование на милость государства, и оно позволяло государству рассчитывать на повиновение подданных. Ни с одной стороны никаких упований на гражданское общество никто не возлагал. По крайней мере, в классических формулировках конфуцианства не существует никакого зазора между пределами семейного круга и лицом государства.

В отношении институтов гражданского общества Конфуций хранит полнейшее молчание. Разумеется, в Китае в XVII веке можно найти нескольких конфуцианцев, приверженных идеям о том, что судейский долг заключается в обуздании властного произвола, и что даже верховный правитель обязан соблюдать законы. В их сочинениях в зародыше содержатся основные понятия гражданского общества [5]. Однако, даже если японские ученые про них что-то и знали, то вряд ли они им сочувствовали.

Когда формировалось государство Мэйдзи, мало что было известно о какой бы то ни было границе между государством и обществом. Иерархия нового государства рекрутировалась из числа выходцев из административных рядов тех четырех феодальных вотчин, из которых происходили руководители реставрации Мэйдзи. Большинство среди них были воспитаны в духе конфуцианских традиций.

По иронии судьбы, критикуя бизнес с конфуцианских позиций, они оказались вовлечены в строительство капиталистического государства. Но структура японского государства оказалась иной, отличной от тех государств, которые возникали в США и в Великобритании. Сама стратегия, в соответствии с которой заводы и прочие предприятия создавали государственные деятели, которые затем продавали их, только способствовала дальнейшему размыванию границы между государством и рынком, даже таким рынком, который они сами создавали. Бюрократы сохраняли интерес к предприятиям, которые они создали, даже после того, как эти предприятия были проданы, что облегчало бюрократии проведение собственного влияния в частном секторе. Практически никто не имел какого-либо понятия о независимости рынка, либо о неизбежном конфликте интересов между чиновничеством и предпринимателями.

По мере капиталистического развития в конце XIX и в начале XX века стали возникать антикапиталистические организации, а государство вернулось к репрессивному законодательству, нацеленному на недопущение профсоюзов и социалистических партий. Хорошо известно, что в период 1917–1926 годов нарастание ради-

кализма предотвратить не удалось, но в период 1930–1945 годов разногласия были эффективным образом подавлены, а большинство радикальных аспектов гражданского общества оказались взяты под контроль. Тем временем, в 1896 году был опубликован единый гражданский кодекс. То было время возрождения интереса к конфуцианским идеям, сменившее двадцатилетний период очарованности западными идеями.

Литература

1. Beasle W. G. The Meiji Restoration. Stanford: Stanford University Press, 1972. 528 p.
2. Croxton D. Westphalia: The Last Christian Peace Restoration. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 452 p.
3. Edwards M. Civil Society. New York: Polity, 2009. 192 p.
4. Sadler A. L. The Maker of Modern Japan: The Life of Tokugawa Ieyasu. New York: Routledge, 2010. 426 p.
5. Seligman A. B. The Idea of Civil Society. New York: Princeton University Press, 1995. 256 p.

QUESTIONS OF FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN CONDITIONS OF THE CONFUCIAN IDEOLOGY IN JAPAN

Stavropolsky J. V. (Saratov)

Abstract: *a modern state originates in the Western Europe as a result of reaction to this or that kind of absolutism. The valid forces of civil society oppose the tendencies towards absolutism in the state and mark the limits of these tendencies. In the process of such a confrontation, the boundaries between civil society and the state are established, which, however, does not prevent from building a strong and effective state. In Japan, the normative ideology that supported the state power was a kind of neo-Confucianism in which the state and society were very vaguely separated, and the individual was called upon to place the burden of solving his/her own problems on the state. With regard to civil society institutions, Confucius remains completely silent. In the classical formulations of Confucianism, there is no gap between the limits of the family circle and the face of the state. When the Meiji state was formed, little was known about any border between the state and society. The hierarchy of the new state was recruited from among the natives of feudal fiefdoms. Most of them were brought up in the spirit of the Confucian traditions.*

Keywords: *state, society, Japan, ideology, market, structure, development, modern.*